

После труда¹

ДЖИН КОМАРОФФ

Гарвардский университет, США

<https://orcid.org/0000-0003-4736-6037>

ДЖОН КОМАРОФФ

Рекомендация для цитирования:
Комарофф Дж., Комарофф Дж. (2025) После труда. *Социология власти*, 37 (1): 154-187.
EDN: TFGKKW

For citation:
Comaroff J., Comaroff J. (2025) After Labor. *Sociology of Power*, 37(1): 154-187.

Поступила в редакцию: 20.01.2025;
принята в печать: 11.03.2025
Received: 20.01.2025; Accepted:
11.03.2025

© Comaroff J., Comaroff J., 2025

Говорят, что наемный труд исчезает в «новую» эпоху капитала, что вызывает все большую тревогу по всему миру. Однако нет единого мнения о том, почему, как и в какой мере это происходит, как и о том, что может прийти ему на смену в обозримом будущем. Мы — ученые, политики, эксперты, люди в целом — похоже, не можем представить себе мир без массовой занятости. Почему? Ведь капитал всегда стремился максимально освободиться от зависимости от труда, и на протяжении долгой истории ему это удавалось с заметным успехом. И это несмотря на то, что историческая антропология в основном фокусировалась на «разрушении конкретных рабочих классов»², особенно в последние десятилетия. Или несмотря на то, что в разные периоды в странах Глобального Севера организованный труд мог демонстрировать политическую и экономическую мощь — хотя, как теперь широко признано, большинство людей всегда были безработными, а не наемными рабочими (Denning, 2010).

154

1 Перевод с англ. Г. Д. Винокурова сделан по тексту с сайта <https://jeancomaroff.com/essays/after-labor/> с любезного разрешения авторов.

2 Карбонелла и Касмир, со своей стороны, осторожно отмечают долгую, сложную историю и географию борьбы между капиталом и трудом, а также постоянное подавление последнего первым. Они также подчеркивают, что рабочие классы создаются и перестраиваются, а не только расформируются (Carbonella, Kasmir, 2014).

Но если массовая занятость всегда находилась под угрозой исчезновения, если она всегда была скорее идеалом, чем реальностью, почему она остается ключевым сюжетом в популярных и теоретических представлениях об экономике и обществе при капитализме — как у левых, так и у правых? Почему она «доминирует и пронизывает повседневную жизнь... более полно, чем когда-либо в истории»?¹ Как это соотносится с тревогой по поводу ее приближающегося конца? И — более широко — что именно уникально в текущем моменте длинной истории труда? Поскольку мы не можем вообразить эпоху после труда, мы все больше мучаемся от кошмара собственной ненужности, от сюрреалистических образов мира, в котором ценность создается иными средствами: не только финансами или искусственным интеллектом, но и рабочими, которые одновременно являются людьми и не-человеками, живыми и мертвыми, присутствующими и отсутствующими.

Что в конечном счете все это говорит нам о жизни после *Homo faber*?

Ответы на эти вопросы, по нашему мнению, станут гораздо детальнее, если наш взгляд выйдет за пределы Евро-Америки. Последняя является горизонтом многих наших теоретических представлений. Но, как мы покажем далее, всестороннее понимание истории труда и его будущего (будущих), как и будущее глобального капитализма в целом, требует учета контекста длительной взаимосвязи евромодерного мира с его антиподами — источниками, в конце концов, большей части оживляющей его энергии и самых нестабильных, обесцененных, дегуманизированных форм труда. Это история, чье южное прошлое Глобальный Север, похоже, проживает заново — в этом, как и во многих других отношениях (см.: Comaroff J., Comaroff J. L. 2012; Beck 2000)².

155

1.

В конце 1990-х годов в южноафриканском массовом воображении появились зомби. Хотя их появление было обусловлено местными культурными представлениями, оно стало внезапным и неожиданным. Момент оказался не слишком удачным. Их появление совпало с тем, что уже хрупкая инфраструктура организации труда черных оказалась под угрозой из-за резкого сужения рынка занято-

1 Beckett A. Post-Work: The Radical Idea of a World without Job. *Guardian*, January 19, 2018, accessed February 4, 2019, <https://www.theguardian.com/news/2018/jan/19/post-work-the-radical-idea-of-a-world-without-jobs>

2 Первая глава книги Бека, заметим, озаглавлена «Бразилизация Запада».

сти (Comaroff J., Comaroff J. L. 1999). В этом была жестокая ирония. Наемный труд стал излишним именно тогда, когда деколонизация, казалось, должна была положить конец расовому капитализму апартеида, обещая стабильную, достойную, хорошо оплачиваемую «работу для всех». Однако переход к демократии совпал с мировой волной неолиберальных реформ. В результате поставторитарные общества, такие как Южная Африка, переживали новый порядок как мучительное сочетание обретения гражданских прав и лишения прав собственности, правового признания и «безработного роста» (*jobless growth*) — маскировочный термин для обозначения массовой безработицы¹.

156 Именно тогда распространились слухи о вторгшейся армии суррогатных рабочих: с одной стороны, мигрантов с севера — якобы больных, отчаявшихся, склонных к преступности, готовых работать за гроши, с другой — о существах, воскрешенных из мертвых, занятых в разрастающейся подпольной ночной экономике. Эти нежеланные пришельцы и обвинялись в сжатии рынка труда. Так труд, одновременно признанный и исключенный, присутствующий и отсутствующий, вернулся в своей фантомной форме. Зомби (*dithot-sela*; также *diphoko*), призраки, лишённые качеств живого человека, воплотились в массовой риторике и песнях, в слухах и репортажах СМИ, в юридических спорах и трудовых конфликтах (Comaroff J., Comaroff J. L. 1999, pp. 20-21). Так как у них нет человеческих нужд, зомби представляют собой чистую прибавочную стоимость. Они существуют, как мог бы сказать Маркс, «высасывая живой труд» (Marx K. 1976, p. 342; Carver 1998, p. 14)². Несомненно, они всегда незримо присутствовали на протяжении всей истории капитализма, были тем, что Вальтер Бенджамин назвал «профанным озарением» (Benjamin 1978, p. 179). Будучи воплощением рабства и колониальной эксплуатации, зомби, вероятно, проникли в американский словарь во время оккупации Гаити между 1915 и 1943 годами, а затем были переосмыслены культурной индустрией как «оживленная наукой нежить» — универсальные воплощения позднемодерного монструозно-

1 И это при том, что в Южной Африке, по данным журнала *The Economist*, экономика процветала. См.: *The Economist*, “Jobless Growth: The Economy Is Doing Nicely-but at Least One Person in Three Is Out of Work”, Special Report, June 3, 2010, accessed January 15, 2019, <https://www.economist.com/special-report/2010/06/03/jobless-growt>.

2 См. также Malone T. *The Zombies of Karl Marx: Horror in Capitalism’s Wake*. *Literary Hub*, October 31, 2018. <https://lithub.com/the-zombies-of-karl-marx-horror-in-capitalisms-wake/>

го хищничества и ужаса¹. Именно поэтому в последнее время распространились такие выражения, как «вуду-экономика», «зомби-банки», «зомби-компании» и тому подобное. Характерно, что южноафриканская национальная энергетическая компания Eskom, считающаяся «крупнейшей государственной энергетической компанией в мире», была названа «государственным зомби-апокалипсисом» (Kane, 1992; Comaroff J., Comaroff J. L., 2012, p. 240)². Неудивительно, что активисты, организовавшие публичную акцию протеста «за возвращение Кейптауна бедным», были одеты в костюмы зомби³.

Как продукт загадочного, сверхъестественного накопления зомби имеют зловещую схожесть с более современными образами уничтожения пролетариата, такими как «эквисапиенсы» — наполовину кони, наполовину чернокожие люди — из остросоциального фильма Буца Райли «Простите за беспокойство» (2018). Это, что примечательно, перекликается с анализом иконографии антисемитизма, предложенным Мойше Постон (Postone, 1980). Хилтон Уайт, опираясь на Постона, утверждает, что если евреи символизируют «расовое тело денег» как «волю без труда», то чернокожие представляют собой «труд без воли... труд-в-себе: грубую биологическую силу, требующую контроля» (White, 2020). Райли изображает «людей-лошадей» именно в этом качестве — это мощь в ее биоинженерном воплощении: наполовину человек, наполовину животное, полностью эксплуатируемая сила. Это изобретение WoggyFree, вымышленной компании, производящей дешевых мутантов-рабочих, которые, по замыслу, более эффективны, чем роботы⁴. Здесь можно увидеть отсылки к «животному духу», фигурировавшему в различных попытках постичь природу человека при капитализме, начиная от Маркса, который связывал его с силой, «повышающей эффективность» рабочего, и заканчивая Кейнсом, который видел в нем «спон-

- 1 О популярном происхождении фигуры зомби во французском Карибском бассейне см. (Rath, 2014), а также цитируемый ранее текст Тайлера Мэлоуна «Зомби Карла Маркса».
- 2 См. также: The Economist, “The March of the Zombies,” February 27, 2016, accessed January 15, 2019, <https://www.economist.com/business/2016/02/27/the-march-of-the-zombies>; Maverick D. Eskom—The Terrorist Attack from Within. Editorial, February 12, 2019, accessed February 13, 2019, <https://www.dailymaverick.co.za/article/2019-02-12-eskom-the-terrorist-attack-from-within/>
- 3 Payne S. “OldNats” Come Back to Life in Mother City Demonstrations. *DailyMaverick*, September 30, 2019, accessed October 1, 2019, <https://www.dailymaverick.co.za/article/2019-09-30-old-nats-come-back-to-life-in-mother-city-demonstrations/>
- 4 Minor J. Sorry to Bother You and Other Black Animal Analogies. *Geek.Com*, July 25, 2018, accessed January 15, 2019, <https://www.geek.com/movies/sorry-to-bother-you-and-other-black-animal-analogies-1747261/>

танное стремление к действию» (Магх, 1976, р. 443–4; Кейпес, 1936, р. 161–62).

Еще одним современным антагонистом *Homo faber*, конечно же, являются роботы. Новое социологическое исследование под названием «“Ты уволен”, — говорит робот» сообщает о распространенности технофобии среди американских рабочих: это синдром тревоги, связанный с навязчивой фокусировкой на робототехнике и искусственном интеллекте (McClure, 2018, р. 145). И это касается не только Америки. В 2018 году глава Йоханнесбургского университета опубликовал тревожную статью, в которой фигурировала фотография «первого человекоподобного робота в Южной Африке». Белого цвета, с изображением национального флага на «груди» — здесь стоит отметить разницу между местным механизированным рабочим и иностранным мигрантом — он вызывающе смотрел в настороженные глаза своего чернокожего создателя¹. Как и зомби, андроид — это тело без жизни, или, как сказал бы Делёз, без органов (Deleuze, 1990). Будучи лишенным внутренностей, он воплощает фантазм производства без человеческого труда. Даже перед лицом предполагаемого исчезновения наемного труда мы остаемся в ловушке его фетишизированной логики. И андроид, и зомби в равной степени предстают двойниками живого труда, возвращающимися лишь для того, чтобы исчезнуть: «отчужденное признание» того, что иначе невыносимо (Comaroff J., Comaroff J. L., 2012, р. 149). Вспомните здесь потусторонних рабочих, убийц-зомби в красных касках и комбинезонах, которые почти механически вторгаются в урбанистические ландшафты фильма Джордана Пила «Мы» — а точнее, US, то есть США. Они в сюрреалистической форме подчеркивают тот факт, что «капиталистическое накопление само по себе постоянно производит, в прямой связи со своей собственной энергией и масштабами, ненужных рабочих» (Магх, 1976, р. 782; см. также Denning, 2010). У обоих — зомби и андроидов — будет причина вновь появиться в нашей истории по мере ее развития.

158

2.

В одном из своих последних эссе Мойше Постон вновь подтвердил свое давнее несогласие с тем, что он называл «традиционным мар-

1 Marwala T. The Fourth Industrial Revolution and the Prospect of Human Irrelevance. *Sunday Times (South Africa)*, December 23, 2018, accessed January 10, 2019, <https://www.timeslive.co.za/sunday-times/opinion-and-analysis/2018-12-23-the-fourth-industrial-revolution-and-the-prospect-of-human-irrelevance/>

ксизмом» (Postone, 2017, p. 148). Оно касалось роли труда при капитализме.

Постон утверждал, что труд — это не средство, с помощью которого люди повсеместно преобразуют природу для своих целей, а «форма посредничества», свойственная капитализму (Ibid., p. 149). Проще говоря, капитализм — это историческая формация, в которой наемный труд является «главной составляющей социального мира»¹. Марксова критика пролетарского труда, добавлял Постон, направлена не на оздоровление, а на полное преодоление последнего. Для Маркса капитализм не мог быть преодолен путем более справедливого распределения доходов или захвата рабочими прибавочной стоимости. И то, и другое оставило бы нетронутыми существующие производственные отношения². Более того, и то, и другое поддерживало бы так бесконечный конвейер, который движет процессами накопления, а вместе с ними и противоречие, лежащее в основе капиталистической современности: а именно то, что по мере своего исторического развития — в последнее время в связи с финанализацией, технореволюцией и другими преобразованиями более длительного периода — наемный труд становится «все более анахроничным», все менее актуальным для производства богатства (Postone, 2017, p. 50). И все же он остается важным для экономической системы, элементом которой он является, важным для внутреннего понимания того, как создается ценность в этой системе.

159

Таким образом, капитализм, по-видимому, постоянно «генерирует то, что является “новым”, и в то же время заново генерирует то, что является “старым”, выходя за рамки необходимости, но продолжая утверждать незаменимость пролетарского труда (Ibid., p. 48, 50). Хотя он может, в силу своих внутренних противоречий, указывать на возможность уступить место другим типам социального порядка, он, по всей видимости, систематически препятствует их реализации. Таким образом — и здесь мы добавляем свой собственный взгляд на это противоречие, сформулированное Марксом и Постоном — по мере обесценивания и вытеснения наемного труда он имеет тенденцию возвращаться в измененных, переосмысленных, дегуманизированных формах. Отсюда все эти зомби, роботы и мутанты, каждый из которых является призраком человеческого труда в условиях его стирания, труда, который сохраняет следы сво-

1 Эта фраза взята из рецензии Мартина Джея на книгу Постона «Время, труд и социальное господство». См.: (Jay 1993, p. 183; Postone, 1993).

2 В своих ранних работах Маркс вместе с Энгельсом утверждал, что решение проблемы заключается в передаче пролетариату права собственности на средства производства (Marx, Engels, 2014). Однако в данном случае Постон интересуется другим прочтением Маркса.

его первоначального значения, но, по выражению Деррида, «стирает его» (Anderson, 2012, p. 4; см. также Derrida 1976, p. 61; Comaroff J., Comaroff J. L., 1999a, p. 290). Но зомби, эта тень идеализированного пролетария, воплощает в себе еще больше: безмолвную историю (не) человеческого труда, рожденного имперским колониальным ограблением и считающимся по своей природе легкодоступным одно-разовым источником эксплуатации.

3.

Модернистские концепции труда потворствуют этому удвоению; в контрапункте, то есть его (не)уместности и (не)заменимости. Какими бы утилитарными ни были их нормативные основания, эти концепции опираются на глубоко усвоенные теологические корни либеральной мысли, в которой труд является главным атрибутом человеческого бытия: способностью выходить за пределы природы, приобретать собственность, творить историю, тянуться к богам. Маркс был не единственный, кто рассматривал труд как осознанную практику, суть «исключительно человеческого» существования (Magh, 1976, p. 127). Но при капитализме, по его наблюдениям, он был уникальным образом связан с системой, нацеленной на создание ценности различными дегуманизирующими, эксплуататорскими средствами, что, в свою очередь, превращает неотчуждаемый труд в призрачный, нереализуемый идеал. Более того, это противоречие в терминах. Парадоксальность утверждения — что труд является неотъемлемой частью онтологии человеческого бытия и в то же время отменяется историческими условиями, в которых он развивался — имеет отношение к дилемме Постола (широко разделяемой) о неспособности капиталистических систем выйти за рамки укорененности в пролетарском труде. Это также имеет решающее значение для осмысления современных дебатов о природе труда и его будущем¹.

Ранние и поздние романтики настаивали на том, что труд выходит за рамки своей сугубо инструментальной функции: он искусен, этичен, искупителен (Hughes, 2007). Либеральные и марксистские мыслители также, даже рассматривая труд как материально-производственную, оплачиваемую деятельность, подчеркивали его достоинство и освободительный потенциал (Weeks, 2011, p. 12;

1 Полезный обзор этих возможных вариантов будущего см. в статье Дерекы Томпсона "A World without Work," *Atlantic*, July/August 2015, accessed December 3, 2018, <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2015/07/world-without-work/395294/>. См. также (Ferguson, 2015).

Muehlebach, 2012). И это несмотря на то, что он всегда был по большей части принудительным — следствием лишения собственности, хотя и разного рода, в разное время и в разных местах (Carbonella, Kashmir, 2014, p. 6–7; Harvey, 2003). Здесь также уместно вспомнить феминистское возражение, что принятые концепции занятости остаются неисправимо ограниченными и маскулинными, постоянно игнорируя существенный вклад неоплачиваемой домашней работы в создание богатства и социальной ценности (см., напр.: Federici, 1975; Coulson, Magaš, Wainwright 1975; Veneria, 1981)¹. Аналогичным образом важнейшее наблюдение исследователей, изучающих расовый капитализм, гласит, что структурное связывание расы с гендером служит для того, чтобы эксплуатировать и черный, и женский труд, тем самым обеспечивая двойное субсидирование товарного производства (См.: Wolpe, 1972; Robinson, 1983; Alexander, 1979).

Следствие очевидно: наемный и неоплачиваемый труд везде взаимозависимы и одинаково «общественно-необходимы». Они всегда были таковыми при капитализме, существуя одновременно с многочисленными способами извлечения прибыли. Вспомним, как Роза Люксембург настаивала на том, что капитал на протяжении всей своей истории опирался на различные практики первоначального накопления; несмотря на упорные попытки скрыть этот факт, эти более или менее насильственные формы «накопления за счет лишения собственности» никогда не исчезали (Luxemburg, 1951; Harvey, 2003, p. 144). Отсюда, например, такие концептуальные гибриды, как «крестьянориат» или «полупролетариат», для описания колониальных классовых образований, к следам которых мы еще вернемся (Parson, 1984; Wallerstein, 1976; Broad, 2000). Отсюда же идеологические последствия, связанные с определением, классификацией и приписыванием относительной ценности или отказе в какой-либо ценности человеческой деятельности: они мобилизуют оси различий (раса, гендер, возраст, гражданский статус) и виды труда (квалифицированный/неквалифицированный, материальный/аффективный, семейный/производственный) для признания, определения приоритетов, рационализации и вознаграждения их предполагаемой ценности². Или нет.

1 Как отмечает Уилма Данауэй, среди мейнстримных американских экономистов с 1920-х годов также были те, кто утверждал, что эта неоплачиваемая домашняя деятельность должна быть учтена в валовом национальном продукте. См.: (Dunaway, 2014, p. 11).

2 См., например: Bear L., Ho K., Tsing A., and Yanagisako S. Gens: A Feminist Manifesto for the Study of Capitalism. *Cultural Anthropology*, March 30, 2015, accessed January 30, 2018, <https://culanth.org/eldights/652-gens-a-feminist-manifesto-for-the-study-of-capitalism>; (Yanagisako, 2012).

Таким образом, очевидно, что капитализм — колониальный и метропольный, в прошлом и настоящем — с самого начала был более разнообразным, более синтетическим в своих трудовых режимах, чем принято считать в гегемонистских нарративах и критических исследованиях (Ibid.). Что общего? То, что он снова и снова, пусть и в разных формах и проявлениях, воспроизводит противоречие, лежащее в его основе: утверждал центральную роль «свободного» наемного труда и одновременно подрывал ее (Calvão, 2016).

Распространение профессий, навыков и видов оплаты труда, связанное с реструктуризацией капиталистического производства с конца 1970-х годов, воспроизводит то же самое противоречие в другом ключе. Нестабильная рутинная, гибкие контракты и нерегулируемые способы накопления, которые составляют жизнь и средства к существованию здесь и сейчас — их неопределенность, прекарность, разорванность временных рамок, — могут показаться беспрецедентными. В эпоху гиг-экономики, безудержной финансовой спекуляции и растущей самозанятости они даже могут показаться эмансипирующими возможностями. Отсюда и празднование «пострабочими» «жизни за пределами колониальной власти формального трудоустройства и ежедневной рутины “бредовой работы” Дэвида Грэбера», а также теми, кто утверждает, что более флюидные, «интеллектуальные» формы труда могут привести к новому обществу, новой гражданственности, новой «грамматике множества» (см.: Frase, 2016; Fraune, 2015, p. 67; Graeber, 2013, p. 10–11; Hardt, Negri, 2004).

162

Но многое из того, что кажется новыми видами занятости, на самом деле уходит корнями далеко в прошлое, оставаясь незамеченным и неоплачиваемым, лишь затем возвращаясь в переименованном, ребрендированном виде. Гибкость и временная занятость, связанные с неолиберальным поворотом, лишь наносят техно-экономистский лоск — во имя эффективности, роста и изменений — на формы трудовой незащищенности, сдельной работы, неполной занятости, договоров, выгодных корпорациям, и ограничение трудовых прав, являясь неотъемлемым элементом в долгой истории капитализма. Появляющиеся категории вроде «аффективного»¹ и «нематериального» труда могут признавать феминистские требования признания неоплачиваемого, в значительной степени невидимого домашнего воспроизводства. Но они также склонны сентиментализировать этот труд, подобно тому, как исторически сентиментализировалась деятельность женщин, заключенная в «бесценное» пространство дома, а также рационализировать его

1 То, что Арли Хокшильд давно назвала «эмоциональной работой» (Hochschild, 1979).

материальную обесцененность. Даже когда аффективный труд — уборка, уход, управление отходами — сейчас признается законной формой работы, он остается низкооплачиваемым домашним трудом в публичной сфере.

Как же тогда в наше непростое время разрешается это внутреннее противоречие в отношениях между капиталом и трудом? Почему традиционные формы работы — признанные анахроничными, избыточными или ненужными — продолжают сохранять свое фундаментальное («онтологическое»?) значение? И почему они возвращаются снова и снова, зачастую в измененной, иногда призрачной форме? Как, в более широком смысле, нам следует думать об антропологии труда в условиях капитализма XXI века?

4.

Здесь следует сделать важное историческое отступление. Оно вновь отсылает нас к мысли Мойше Постона, который вслед за Томасом Пикетти и другими напоминает, что история неравенства в последнее столетие была нелинейной (Postone, 2017, p. 40-41; Piketty, 2014). Напротив, она заметно колебалась в соответствии с другими экономическими показателями, местными условиями и благосостоянием рабочего класса. После периода усиления неравенства в конце XIX и начале XX века наступил период, в течение которого неравенство доходов резко сократилось. Затем, начиная с 1970-х годов, последовало возрождение и еще более резкое перераспределение богатства и политической власти. Этот процесс, отмечает Постон, носил глобальный характер, причем каждую из трех эпох — до Второй мировой войны, 1945-1970-е годы и с середины 1970-х по настоящее время — характеризовала своя тенденция средних темпов экономического роста: относительно низкий и медленный в первой, выросший более чем вдвое во второй, и заметно снижающийся в третьей (Postone, 2017). Закономерность ясна. Рост ускорялся, а валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения вырос на среднем этапе, поскольку заработная плата росла, а уровень неравенства снижался. Но оба этих показателя пошли на убыль, когда заработная плата стагнировала, а уровень неравенства вырос. С 1973 года, добавляет он, уровень жизни заметно упал для большинства американцев — и мог бы добавить, для многих людей по всей планете — по мере увеличения разрыва в благосостоянии. Этот оптимальный второй, послевоенный период в археологии капитала ассоциируется с государственно-ориентированным фордизмом, подкрепленным кейнсианской идеологией экономического регулирования и оптимистичными представлениями (по крайней мере частично реализованными) о мире полной занятости, правах трудящихся и всестороннего социального обеспечения, распростра-

няющегося на защиту граждан от безработицы, бездомности, болезни и нищеты.

Беглый взгляд на показатели занятости в этом отношении — цифры, которые, как мы покажем, следует воспринимать не только в отношении того, что они раскрывают, но и того, что они скрывают, — весьма красноречив. Например, в Соединенных Штатах во второй половине 1960-х годов, когда численность трудоспособного населения составляла гораздо больше, чем сегодня, уровень безработицы никогда не превышал 3,8%. В первые годы правления Рейгана, когда фордистская эпоха уступила место неолиберальной, она превысила 8%, а в 1983 году достигла 10,8%¹. Более того, уровень безработицы среди афроамериканцев был примерно вдвое выше, чем среди белых². Так же и в Великобритании, где показатели за 1945–1971 годы колебались между 1,2 и 2,7%. В 1983 году, при консервативной партии Маргарет Тэтчер, этот показатель достиг 12,9% (McCaughy, 2018), причем цветные люди в это время оказывались без работы даже чаще, чем в США³. Это тем более поразительно в свете того факта, что в 1978 году консерваторы выдвинули предвыборный лозунг, разработанный рекламным агентством Saatchi & Saatchi, который гласил: «Труд не работает» (Labour Isn't Working)⁴.

164

Показательно, что история профсоюзов в США и Великобритании в значительной степени повторяет эти тенденции. В 1954 году 34,8% всех американских наемных рабочих были членами профсоюзов, и этот показатель снизился до 20,1% в 1983 году, вскоре после атаки на профсоюзы со стороны администрации Рейгана.

1 Amadeo K. Unemployment Rate by Year since 1929 Compared to Inflation and GDP. *Balance*, January 21, 2019, accessed January 28, 2019, <https://www.thebalance.com/unemployment-rate-by-year-3305506>

2 Delaney A. The Black-White Unemployment Ratio Has Barely Budged: Lower African-American Unemployment Doesn't Fix a Glaring Racial Disparity. *HuffPost*, August 15, 2018, accessed February 28, 2019, https://www.huffpost.com/entry/black-white-unemployment-trump_n_5b7434c4e4b02b415d746e36

3 Office for National Statistics, “Unemployment,” Gov.UK: Ethnicity Facts and Figures, October 19, 2019, accessed November 30, 2019, <https://www.ethnicity-facts-gures.service.gov.uk/work-pay-and-benets/unemployment-and-economic-inactivity/unemployment/latest>. Также см. Ramesh R. Black. People More Likely to Be Jobless in Britain than US, Research Reveals. *Guardian*, April 13, 2012, accessed February 28, 2019, <https://www.theguardian.com/world/2012/apr/13/black-people-unemployed-britain-us>

4 Историю этой рекламной кампании см. в статье “Labour Isn't Working”, Wikipedia, last modified October 31, 2019, https://en.wikipedia.org/wiki/Labour_Isn%27t_Working. На момент появления плаката с его сфабрикованной фотографией длинной очереди у центра занятости уровень безработицы вырос, но оставался ниже 6%.

Сейчас этот показатель составляет 11,3%¹. Мощь британских профсоюзов, достигших своего расцвета в 1960-х и 1970-х годах, была радикально подорвана в 1980-х по приказу правительства Тэтчер и ее сторонников со стороны корпораций. Как свидетельствуют опубликованные несколько лет назад документы, правительство Тэтчер прямо поставило перед собой задачу «раздавить» политически значимые организации². Ирония здесь очевидна. Если считать экономический рост и уровень ВВП значимыми показателями материального благополучия, то и США, и Великобритания переживали лучшие времена, когда уровень безработицы был самым низким, профсоюзы самыми сильными, а неравенство — наименьшим. Это были времена, когда преобладало видение международного порядка новых стран Глобального Юга, стремящихся создать современные постколониальные экономики. Конечно, на колебания занятости и неравенства влияют самые разные факторы, в том числе инфляционные циклы, рецессии, рыночные корректировки и политические потрясения. Но суть не в специфике этих цифр. Она заключается в том, что они, пусть и неявно, говорят об историческом сознании, в логике которого десятилетия после Второй мировой войны воспринимаются в определенном ключе в отношении национальных экономик и сообществ.

165

Эти десятилетия, годы совершеннолетия все еще мощного поколения беби-бумеров, сохраняют парадигматическое присутствие в современном социологическом воображении. Во многих отношениях это был момент, когда либерально-демократическая версия модерна, как ее ретроспективно вспоминают, достигла своего оптимистического зенита: когда разговоры о Великом обществе в его

-
- 1 DeSilver D. American Unions Membership Declines as Public Support Fluctuates. *FactTank*, Pew Research Center, February 20, 2014, accessed January 27, 2019, <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2014/02/20/for-american-unions-membership-trails-far-behind-public-support/>
 - 2 Travis A. National Archives: Margaret Thatcher Wanted to Crush Power of Trade Unions. *Guardian*, August 1, 2013, accessed January 27, 2019, <https://www.theguardian.com/uk-news/2013/aug/01/margaret-thatcher-trade-union-reform-national-archives>. Консервативные ревизионисты, однако, предпочитают возлагать вину за их гибель на глобализацию. Например, *The Telegraph*, «Margaret Thatcher Didn't Destroy Unions, It Was Globalisation,» Claims Professor», September 18, 2009, accessed January 27, 2019, <https://www.telegraph.co.uk/news/politics/margaret-thatcher/6203425/Margaret-Thatcher-didnt-destroy-unions-it-was-globalisation-claims-professor.html>. Более техническая точка зрения утверждает, что высокий уровень инфляции в 1970-е годы ослабил организованный труд, создав избыточное количество рабочих мест. См.: Elliott L. We're Working like It Is 1975, but the Jobs Boom Isn't All It Seems. *Guardian*, March 21, 2019, p. 4.

различных глобальных северных вариантах казались наиболее убедительными. Когда бедность и незащищенность, казалось, отступали перед лицом нормы пожизненной занятости. Когда борьба за гражданские права и признание различий, особенно в отношении расы и гендера, казалось, привела к устойчивому прогрессу. Однако прямо перед глазами, но вне фокуса внимания, скрывались устойчивые формы исключения, неравенства и грубой несправедливости: в бедных гетто США, в мрачных кварталах Северной Ирландии и в бедных районах Англии с их вспышками ксенофобии; на театрах военных действий неоимпериалистических войн в Юго-Восточной Азии и во множестве других мест. Напомним, что, когда в 1968 году в Мемфисе был убит Мартин Лютер Кинг-младший, он находился там в поддержку забастовки афроамериканских рабочих санитарной службы, протестующих против опасной, плохо оплачиваемой и минимально защищенной работы.

166

Некоторые видели в этих очагах обнищания, в полумраке холодной войны возможность народной борьбы против структур капиталистической власти, как в «Письме Новым левым» Ч. Р. Миллса в журнале *New Left Review* в конце 1960 года — о подъеме социалистического сопротивления и борьбе за власть черных на Западе, рождении Движения неприсоединения и возникновении левых режимов в бывших колониях (Mills, 1960). В то же время, однако, произошло возрождение консервативных сил, которые выступали против любого вида государственных проектов благосостояния — в Соединенных Штатах это был либерализм «Нового курса», в Великобритании и Европе — социализм, основанный на труде, — считавшихся предвестниками тоталитаризма, опасными для свободы личности (Goldwater, 1960). Начиная с 1970-х годов, как мы отмечали ранее, эти силы захватили политический центр и подтолкнули идеологическую ортодоксию в противоположном направлении.

В ответ на успехи, достигнутые движениями за гражданские права и права трудящихся в Евро-Америке в середине XX века, и падение темпов роста производства с конца 1960-х годов (Brenner, 2006), капитал разработал новые механизмы свободной торговли в рамках «программы глобальной реструктуризации, ориентированной на изменение рынков и организацию труда» (Vrooad, 2014, p. 209-224, особенно 215). И наконец долгая диалектическая борьба между капиталом и трудом вступила в свою последнюю фазу. Везде, где только можно, первый, воплощенный во все более суверенном корпоративном секторе, добивался приватизации, дерегулирования, казуализации, финансиализации, снижения юридической ответственности и политик жесткой экономии внутри страны, а также реконструкции, гибкой организации и аутсорсинга производства за рубеж, в страны, где рабочие были еще более унижены, менее

защищены и часто вынуждены попадать в зарплатное рабство того или иного рода. Более того, в условиях растущей неопределенности и прекарности эти рабочие были вынуждены мигрировать на Север в поисках доступной работы, тем самым еще больше снижая уровень своей заработной платы и ухудшая ситуацию на рынках труда в Евро-Америке, где де-факто кабальная зависимость едва ли является чем-то новым¹. И все же, несмотря на все произошедшие с тех пор изменения, послевоенная конъюнктура продолжает оставаться критически важным шаблоном, по которому принято измерять социальные ожидания, даже несмотря на то, что разрыв между этими ожиданиями и реальностью растет с каждым годом. Поэтому по-прежнему остается возможно говорить в будущем совершенном времени о массовой занятости и гарантированной оплачиваемой работе для всех, опираясь на модернистский миф, сложившийся в эпоху, когда труд, казалось, приблизился к наиболее справедливому соглашению с капиталом; когда, как мы уже говорили, либеральная идиллия казалась достижимой. Это миф, который продолжает жить, хотя для все большего числа людей его обещания становятся все более недостижимыми, нереальными, непознаваемыми. И постепенно, особенно для новых поколений — немислимыми.

167

Это возвращает нас в реальность настоящего момента, который длится уже почти 50 лет, — в настоящее, не имеющее предсказуемой развязки.

5.

Последние десятилетия ознаменовались слиянием двух процессов, которые в совокупности сформировали новейшую главу в отношениях между капиталом и трудом. Первый из этих процессов заключается в изменении планетарного рабочего пространства, поскольку корпоративный капитал и его режимы накопления перестроили глобальные товарные цепочки. Отчасти через реконструкцию структур колониальной эксплуатации, отчасти через «захват» постколониальных государств, капитализм откалибровал свои операции, децентрализовав и сделав мобильными места производства и распределительные линии. Уже в 1970-е годы это было концептуально предвосхищено в так называемом «Новом международном разделении труда», основанном на «эклектиче-

1 Против тех, кто оспаривает применимость термина «рабство» к современному «несвободному» труду, Джейн Анна Гордон приводит веские аргументы в пользу того, что он по-прежнему применяется, хотя и в изменившихся исторических условиях (Gordon, 2020).

ском синтезе марксистской теории и теории мировых систем/зависимости» (Fröbel, Heinrichs, Kreye, 1980; Starosta, 2016, p. 85). Реорганизация, к которой это привело, наиболее заметно проявилась в миграции пролетарских рабочих мест с Севера на Юг, главным образом, как отмечалось ранее, в ответ на падение уровня прибыли, рост требований рабочих к более высокой заработной плате и различные формы дерегулирования. В странах, которые тогда еще принято было называть «третьим миром», рабочая сила, конечно, была не только намного дешевле и менее защищенной, она также была в значительной степени основана на домашних, родственных, общинных, этнических связях и религиозных сетях. Насильственная эксплуатация на этих окраинах империи всегда была оборотной стороной евромодернистского романтизма свободного труда. Здесь повседневная экономическая жизнь требовала подвижного сочетания натурального хозяйства и мелкого товарного производства, «подработок» и случайных подрядов, трудовой миграции и «грошового капитализма» в неформальном секторе, что часто включало в себя творческое управление кредитами и «фатический труд», «создающий коммуникативные каналы», из которых можно было извлечь ценность (Tax, 1953; Hart, 1973; James, 2015; Elyachar, 2010, p. 453). Это социальные экологии, в которых материальный дефицит налагает на отдельных людей и семьи, особенно на женщин, ответственность за разнообразные стратегии выживания, которые часто включают в себя, помимо неформального предпринимательства, выполнение самой низкооплачиваемой и небезопасной потогонной работы.

168

Поэтому неудивительно, что именно бывшие колонии Юга стали местом, куда устремились как корпоративный капитал, так и его конкуренты-изгои — «кровавые алмазы», торговля людьми и наркотиками — в поисках максимальной прибыли. Производство в этих условиях сводится к самому элементарному уровню, к одной операции в цепочке поставок, оплачивается минимально за каждый производственный акт и больше ни за что, а при благоприятных условиях стремится к резкому расширению. В эпоху «планетарного рынка труда», пишет Марк Грэм, «миллионы форм работы теперь можно выполнять практически из любой точки Земли», даже на уровне микрозадач, что позволяет компаниям использовать «глобальную резервную армию» на основе расчета за клик или за выполненное действие, а не за человека¹. Рабочие в отдаленных

1 Graham M. The Rise of the Planetary Labour Market—and What It Means for the Future of Work. *NSTech*, January 29, 2018, accessed January 30, 2019, <https://tech.newstatesman.com/guest-opinion/planetary-labour-market>

районах Центральной Африки могут трудиться в самых передовых технологических отраслях, иногда в открытых цехах, выполняя рутинные, повторяющиеся, фрагментированные задачи — базовое распознавание и классификацию данных, — которые пока не могут выполнить машины. Однако этим рабочим почти ничего не говорят о сложном производственном процессе, частью которого они являются, и о том, что сама работа, которую они выполняют, вероятно, скоро сделает их и им подобных ненужными. В теории, добавляет Грэм, гибкие географии производства могли бы распределить рабочие места по всему миру. Но на практике эти географии оказывают повсюду «огромное понижающее давление на заработную плату и условия труда» и в то же время разрушают рынки наемного труда на Севере (Ibid.).

Каушик Басу, один множества авторов, исследующих эту тему, которую Дадуш и Шоу метко назвали «Исследованиями глобализации, рынков труда и неравенства»¹, именуют этот эффект вовлечения в глобальную систему «связыванием труда»². Фабрики под открытым небом в глубинке Центральной Африки и закрытые производства во внутренних городах США неразрывно связаны друг с другом, даже когда силы, связывающие их, остаются вне поля зрения. Более того, часть постколониального труда продолжает существовать в условиях механизации, потому что африканские рабочие все еще зачастую оказываются дешевле машин. Даже высококвалифицированные рабочие, как показывает Нина Сильванус, могут обходиться капиталу дешевле, чем их роботизированные замены, — как, например, это происходит в африканских портах, где, в отличие, скажем, от Гамбурга или Роттердама, крановщики пока не были заменены автоматизированными нечеловеческими «решениями»³. По крайней мере, пока. Тем не менее формальный рынок труда, даже в самых отсталых его секторах, сократился как

-
- 1 Dadush U., Shaw W. *Globalization, Labor Markets, and Inequality*. Carnegie Endowment for International Peace, February 2, 2012, accessed February 15, 2019, <https://carnegieendowment.org/2012/02/02/globalization-labor-markets-and-inequality-pub-47028>. См. также их текст (Dadush, Shaw, 2012).
 - 2 Basu K. *Globalization of Labor Markets and the Growth Prospects of Nations* (Policy Research Working Paper 7590, World Bank Group, Office of the Chief Economist [Development Economics Vice Presidency], March 2016), accessed February 17, 2019.
 - 3 Sylvanus N. *Harboring the Future: The Togolese Techno-Port, Governance, and Global Economics in West Africa* (неопубликованный текст, представленный на семинаре по африканским исследованиям в Гарвардском университете 12 ноября 2018 г.); цитируется с разрешения автора. Собственные исследования Сильвануса проводились в порту Ломе, Того.

на Севере, так и на Юге. А глобальная резервная армия труда с каждым годом становится все больше.

Здесь в дело вступает второй из процессов. С ослаблением и распространением нестабильных трудовых условий на Севере возникло нечто вроде живого подобия неформальных секторов Юга. В условиях долгосрочного снижения реальных зарплат все большее количество людей — как работников, так и постработников — оказывается захваченным в водоворот нарастающего, неизбежного долга, который во многих частях мира становится структурным принципом социально-материального существования. Эта ползучая неформализация частично поглощается растущей гиг-экономикой, а частично — другими «экономиками», которые множатся в обратной зависимости от формальной стороны занятости: экономика совместного использования, экономика заботы, ремесленная экономика, экономика гостеприимства, криминальная экономика, интимная экономика, тюремная экономика — ни одна из них не является ни традиционно пролетарской, ни основанной на оплате по найму. Каждая из них в значительной степени зависит от превращения средств повседневной жизни в товар — средств, которые когда-то считались в евро-американской перспективе находящимися за пределами рынка, но теперь рассматриваются как микрокапитал, предназначенный для целей накопления (Martin, 2002; Langley, 2007).

170

Сосредоточенная на домашнем хозяйстве и — более широко — на частной сфере, неформализация разрушает границу между производством и воспроизводством, между мужским и женским, между работой и досугом, которые нормативно разделились с началом индустриализации. Таким образом, инфраструктура и части домашнего мира — спальни, автомобили, компьютеры, принтеры, смартфоны, кухонная техника, обеденные столы — превращаются в спекулятивные активы, приносящие дополнительный доход от их коммерческого использования. Как следствие, всё и вся становится капиталом, в перспективе или на практике, всё и вся становится объектом финансиализации, включая, может быть, в первую очередь, как напоминает нам Фуко, неолиберальное «Я» (Foucault, 2008). Конечно, неформальное предпринимательство всегда существовало более или менее открыто в условиях Глобального Севера, особенно среди бедных. Однако что изменилось, так это его соотношение с формальной занятостью в структуре трудовой демографии, как пролетариев, так и «белых воротничков», домашней прислуги и мигрантов, мужчин и женщин. Изменилась степень их признания в качестве ощутимо важной части материальной, социальной, психологической и этической жизни. Они были возвращены посред-

ством «платформенного» бизнеса и алгоритмического рентного капитала обратно в формальный сектор, который когда-то их исключил. Причем с реальными макроэкономическими последствиями (напр., Frenken, Schor, 2017)¹.

Этот последний процесс, «платформизация», о которой также появляется все больше литературы, охватывает широкий спектр вопросов, в основном связанных с финансиализацией «неформальных» видов деятельности, имеющих долгую историю в Африке, Латинской Америке и Азии. На одном конце спектра находятся гиганты, такие как Uber и Airbnb, которые масштабируют и технически рационализируют услуги по совместному пользованию поездок и жилья (т.е. мелкой аренды), схожие с теми, что возникли среди городских сообществ колониального периода и повсеместно распространены сегодня. В более скромных масштабах можно отметить такие явления, как активно развивающаяся в Японии индустрия «аренды семьи», олицетворением которой является Family Romance, компания, которая, опираясь на «традиционные» формы заботы с аналогами по всему Глобальному Югу, продает «человеческую привязанность», «комфорт домашнего очага» и искусственного родства. В странах Глобального Севера появляются подобные бизнес-модели, например, RentAFriend.com, предлагающий услуги «родителей напрокат»². Аналогичным образом наблюдается всплеск однорангового кредитования (P2P), осуществляемого при посредничестве онлайн-фирм, предшественников которого можно найти в системах ротационного кредитования по всей Африке и в исламских финансовых организациях (Ardener, 1964; Sadq, 2017)³. Или на платформе Feastly — «p2p-рынке, предлага-

-
- 1 О преобразующем влиянии, например, Airbnb на социологию городов по всему миру см.: Mead R. Airbnb Moves In: In Tourist-Clogged Barcelona, Some Locals See the Service as a Pestilence. *New Yorker*, April 29, 2019, pp. 32-37. Существует быстрорастущая трансдисциплинарная литература на эту тему, слишком большая, чтобы обсуждать ее здесь, — и, строго говоря, не относящаяся к нашей теме.
 - 2 См.: Batuman E. A Theory of Relativity: Japan's Rent-a-Family Phenomenon. *New Yorker*, April 30, 2018, pp. 50-61; другой пример из обширной журналистской литературы об этом явлении см. в: Morin R. How to Hire Fake Friends and Family. *Atlantic*, November 7, 2017, accessed February 13, 2019, <https://www.theatlantic.com/family/archive/2017/11/paying-for-fake-friends-and-family/545060/>; RentAFriend.com, "Rent Parents or Hire Parents", accessed April 7, 2019, <http://blog.rentafriend.com/rent-parents-or-hire-parents/>. Как и японские фирмы, работающие в сфере такой аренды, RentAFriend подчеркивает, что не является службой эскорта или знакомств.
 - 3 См.: "Peer-to-Peer Lending", Wikipedia, accessed April 7, 2018, https://en.wikipedia.org/wiki/Peer-to-peer_lending

ющем аутентичные блюда, приготовленные и поданные на дому у повара»¹. Это напоминает африканские шибины (неформальные бары) прошлого и настоящего, где трудящиеся-мигранты используют жилые комнаты своих владельцев как место, чтобы поесть, выпить и пообщаться в обществе хозяйки, совмещающей роли матери, жены и предпринимательницы. И так далее, и так далее. Фактически платформизация не просто перехватывает и эксплуатирует труд микропредпринимателей из неформального сектора, постепенно затрудняя возможность по-настоящему независимого контрактного труда. Хотя она может стимулировать предпринимательство, вовлекая новых участников в управляемые ею экономические практики, она же отбирает у производителей, которых обычно рассматривают как независимых подрядчиков без прав наемных рабочих, все большую долю их дохода². И это также размывает — а порой и полностью стирает — границы между формальным и неформальным секторами: правовые, концептуальные, материальные, этические, социальные.

172

Таким образом, по мере того как неформализация и ее платформизация стремительно набирают обороты на Севере — где экономика совместного потребления подается в позитивном свете, как способ «использовать избыточные мощности» личных активов, которые в противном случае простаивали бы, — Евро-Америка все больше начинает напоминать, а в некоторых аспектах даже обгонять Глобальный Юг, переживая его историю из вторых рук, если воспользоваться словами Светланы Алексиевич из «Времени секунд хэнд» (Benkler, 2004, p. 276, 357; Comaroff J., Comaroff J. L., 2012; Alexievich, 2017). Однако остается нерешенным один важный вопрос. Противоречие, лежащее в основе отношений между трудом и капиталом и циклично разыгрывающееся на протяжении последних столетий, может структурно проявляться в реорганизации глобальной рабочей силы — ее демографии, географии, темпоральности, материальности. А также — в прагматическом переопределении границ между тем, что традиционно понималось как формальная и неформальная экономика. Но каким именно

1 См.: Feastly, “About Us”, accessed July 8, 2019, <https://www.linkedin.com/company/feastly>

2 Отсюда и нынешний судебный спор о статусе водителей Uber в Калифорнии, где недавно был принят закон штата, наделяющий этих водителей статусом работников. См., например: Stempel J. Uber Is Sued over Resistance to California “Gig” Employment Law. Reuters, September 12, 2019, accessed December 2, 2019, <https://www.reuters.com/article/us-uber-law-suit-california/uber-is-sued-over-resistance-to-california-gig-employment-law-idUSKCN1VX1VE>

образом это противоречие становится ощутимым в переживании повседневной жизни, в ее политической и социально-психологической ткани, в настоящем, которое длится?

6.

Почти повсюду, если вернуться к тому, о чем мы говорили в начале, публичный дискурс, сформированный мифологией послевоенных лет, имплицитно полагает, что наемный труд остается нормой. Труд как основа социальной ценности, источник человеческого достоинства и ядро социально-материального существования лишь немного потерял от своего фетишизированного назначения (Cedarström, Fleming, 2012)¹. «По иронии судьбы, в то время как “век труда”, кажется, подошел к концу, — отмечают Седерстром и Флеминг в книге «Работа мертвеца», мрачно-провокационном отражении духа времени нашего времени, — работа приобрела тотальный характер — “общество рабочих” в худшем смысле этого слова, где каждый одержим ею»². Если уж на то пошло, то нарастающая тревога по поводу ее нестабильности лишь усилила ее позицию: навязчивая озабоченность занятостью составляет основу мейнстримных политических манифестов, образовательных стратегий и критериев самооценки (Weeks, 2011, p. 8). Даже финансовый сектор, где стоимость производится путем все большей абстракции — за счет максимально возможного дистанцирования от реального производства и сферы услуг, от товарной экономики в целом — продолжает апеллировать к языку труда. В нем торгуют «продуктами», словно это материальные объекты, созданные честным трудом, и называют свою прибыль «заработком», а самих себя — «индустрией».

Это неудивительно: «Работа [остается] основным средством, с помощью которого люди интегрируются не только в экономическую систему, но и в социальные, политические и семейные формы кооперации», — отмечает Кэти Уикс³. Это «основная обязанность гражданина», и если не юридически, то с этической точки зрения она

1 Цитата взята из издательского экземпляра на томе; см. <http://www.zero-books.net/books/dead-man-working>. Оба приведенных на сайте отзыва известных ученых Майкла Хардта и Саймона Критчли говорят о книге как о «темной», хотя книга рассчитана на широкую читательскую аудиторию и опубликована под научной рубрикой «Культура, общество и политика».

2 Beckett A. Post-Work...

3 По состоянию на 2015 год более 65% мирового производства угля, по данным коммерческой разведки, работало в убыток (и ситуация продолжает ухудшаться). См.: Ker P. Two Thirds of World's Coal Output Is Loss-Making, Wood Mackenzie Estimates. *Sydney Morning Herald*, December 10, 2015, accessed March

считается чем-то вроде права. Государственные деятели повсюду говорят на языке обещаний «возвращения рабочих мест». Печально известная заикленность Дональда Трампа на возрождении в значительной степени обанкротившейся угольной промышленности США является симптомом тупиковой ситуации между идеализацией производства «синих воротничков» и циничным уничтожением этого производства под давлением рентабельности¹. Со своей стороны, избиратели серьезно относятся к обещаниям о создании рабочих мест. Безусловно, какую бы форму он ни принимал, какие бы изменения ни претерпевал, статус наемного труда как основы человеческого существования сохраняется с почти сверхъестественной, сакральной устойчивостью. В США, отмечает Дерек Томпсон, «трудодлюбие служило неофициальной религией Америки с момента ее основания. Священный статус и значимость труда лежат в основе политики, экономики и социальных взаимодействий в стране». Это особенно актуально в наши дни, когда воркизм (workism) находится на подъеме². Экономист Лайман Стоун идет еще дальше. Он утверждает, что воркизм фактически вытесняет «приходящую в упадок религиозность», становясь не просто «доминирующей культурной ценностью», но и «способом, с помощью которого люди [сейчас] ищут внешнего признания» — до такой степени, что это способствует снижению рождаемости и приводит к кризису воспроизводства³. «Работа, — язвительно замечает критик Энтони Оливер Скотт, — это новый секс» (Biggs, 2015, p. 264)⁴.

В Британии, как утверждает Джоанна Биггс, труд придает жизни дополнительный смысл «когда религия, партийная политика и общество отстают»⁵. То же самое наблюдается и в России, Германии,

14, 2019, <https://www.smh.com.au/business/companies/wood-mackenzie-estimates-that-65pc-of-world-coal.-output-is-lossmaking-20151210-gl1xj4.html>

1 Thompson M. J. A World without Work...

2 Sussman A. L. The End of Babies. *New York Times International Edition*, November 20, 2019, p. 7.

3 Scott A. O. Cool Car Guys of a Particular Vintage. *New York Times International Edition*, November 20, 2019, p. 14.

4 Публичные сообщения СМИ несколько смягчают этот аргумент, ссылаясь на статистику опросов. Например, один из них, опубликованный в 2005 году: Paton N. Work Gives Meaning to Life for a Quarter of Britons. *Management Issues*, November 15, 2005, accessed March 15, 2019, <https://www.management-issues.com/news/2765/work-gives-meaning-to-life-for-a-quarter-of-britons/>. Однако мы бы предостерегли от принятия этой статистики за чистую монету, поскольку способ ее получения не ясен.

5 См.: Kuchma A. Russia to Fight Rising Unemployment. *Russia Beyond*, February 19, 2015, accessed February 4, 2019, https://www.rbth.com/economics/2015/02/19/russia_to_fight_rising_unemployment_41509; Arun

Индии и многих других странах (Ferguson, 2015). «Достойные рабочие места» для граждан — повсеместно изображаются в качестве важнейшей функции государства; отсюда и постоянные обещания правительств «вернуть людей к работе», несмотря на неоднократные неудачи в этом деле¹. В своем Обращении к народу Южной Африки (SONA) от 7 февраля 2019 года президент Сирил Рамафоса произнес словосочетание «рабочие места» 33 раза за 79-минутную речь (Rifkin, 1995)². Каждый предыдущий южноафриканский президент начиная с 1994 года делал то же самое, хоть и не с таким рвением.

На другой стороне этого противоречия — распространенная тревога о том, что «конец работы» уже наступил и его нельзя обратить вспять. Еще в 1995 году экономист Джереми Рифкин в книге «Конец работы» утверждал, что «безработица во всем мире будет расти по мере того, как информационные технологии ликвидируют десятки миллионов рабочих мест» (см., напр.: Caffentzis, 2001)³. Книга вызвала некоторый академический скептицизм из-за своего технотерминизма и опоры на чрезмерно упрощенную концепцию занятости (Sennett, 1998, p. 49; Beck, 1992; 2000). Отчет Ричарда Сеннетта об изменениях в работе и карьере в результате корпоративного «реинжиниринга», и мрачные предсказания Ульриха Бека о «дестандартизации труда» и последующей «гибели общества труда» складываются в пугающую картину. Она сформулирована в недавнем отчете McKinsey Global, где к 2030 году предсказывается потеря 800 миллионов рабочих мест только из-за роботизации⁴,

M. G. 3 Years of Modi: Where Are the 10 Million Jobs per Year as Promised? *India Today*, June 5, 2017, accessed February 4, 2019, <https://www.indiatoday.in/magazine/up-front/story/20170605-jobs-in-india-low-modi-government-growing-economy-986475-2017-05-26>; AFP, Re-Elect Me and I'll Eradicate Unemployment, Merkel Pledges. *The Local*, July 3, 2017, accessed February 4, 2019, <https://www.thelocal.de/20170703/election-merkel-re-elect-me-and-ill-eradicate-unemployment>.

- 1 См.: Sunday Times (South Africa), Hellish Train Ride Shows How Far Off Track We Are, editorial, February 10, 2019, 16. Для ознакомления с текстом выступления см.: Mail & Guardian, "25 Years of Democracy: Read President Ramaphosa's SONA Address in Full," February 7, 2019, accessed February 8, 2019, <https://mg.co.za/article/2019-02-07-25-years-of-democracy-read-president-ramaphosas-sona-address-in-full>.
- 2 Прочитанная фраза содержится в рекламной копии издательства и приводится в ряде обзоров и блогов, посвященных этой книге.
- 3 Версия с подзаголовком «Критика Рифкина и Негри» доступна онлайн по адресу: <https://fadingtheaesthetic.les.wordpress.com/2013/05/george-caffentzis-the-end-of-work-or-the-rennalsance-of-slavery-common-sense-24.pdf>
- 4 McKinsey Global Institute, A Future That Works: Automation, Employment, and Productivity, January 2017, <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/fea>

и его мрачные предсказания подпитываются потоком книг, рассчитанных на массовую аудиторию (см., напр.: Baldwin, 2019; Ford, 2015; Orpenheimer, 2019), большинство из которых носит апокалиптический характер¹. Этот кошмар олицетворяет разрастающийся «ржавый пояс», где отток промышленности, технизация того, что осталось, и исчезновение рабочей силы оставили после себя городские пейзажи, усеянные заколоченными магазинами, заброшенными домами и призрачными школьными зданиями — это трупы, оставленные социально-экономическим крахом и национальным упадком. Но это не значит, что капитал не находит новых возможностей в этих руинах. Как заметил Мэтью Соулз, капитал превратил упадок в «зомби-урбанизм», превращающий руины в финансовые активы². Это напоминает теневые бизнес-практики Глобального Юга, где неформальные предприниматели превращают разрушенную инфраструктуру и недвижимость в оживленные торговые центры — как это делают, например, трансграничные торговцы, которые оживляют выведенные из эксплуатации здания, обесценившиеся площади и пустынные переулки в центре Йоханнесбурга, превращая их в шумный центр трансконтинентальной торговли. Их доходы, полностью в наличной форме и исчисляемые миллиардами долларов, превышают доходы крупнейших высококлассных торговых центров Африки³.

176

—
 tured%20insights/Digital%20Disruption/Harnessing%20automation%20for%20a%20future%20that%20works/MGI-A-future-that-works-Executive-summary.ashx. Этот отчет широко цитировался в печатных и электронных СМИ по всему миру в 2017 году.

- 1 Джилл Лепор предлагает остроумную и проницательную рецензию на эти книги; см.: Lepore J. The Robot Caravan: Automation, A. I., and the Coming Invasion. *New Yorker*, 4 March 2019, pp. 20–24. Хотя она и ссылается на исследования, которые пытаются противостоять «истерии роботов», но все же отмечает, что «даже если шумиха вокруг роботов в основном не имеет под собой оснований, беспокойство о рабочих местах вполне реально» (р. 23). Среди антиапокалиптических работ, которые она упоминает, наиболее заметными являются: (Cass, 2018) и Gordon R. J. Why Robots Will Not Decimate Human Jobs. *LinkedIn*, November 22, 2016, accessed August 14, 2018, <https://www.linkedin.com/pulse/why-robots-decimate-human-jobs-bob-gordon>.
- 2 Soules M. *Asset Urbanism: Ghosts, Zombies, and the Simultaneity of Amplified Growth and Decay* (paper presented at the 102nd ACSA [Association of Collegiate Schools of Architecture] Annual Meeting, “Globalizing Architecture: Flows and Disruptions,” Miami Beach, FL, April 10–12, 2014), <https://www.acsa-arch.org/proceedings/Annual%20Meeting%20Proceedings/ACSA.AM.102/ACSA.AM.102.78.pdf>
- 3 Zack T. *Development Planners with Urban Works and Progressus Research and Development Consultancy, Cross Border Shopping in Johannesburg’s Inner City* (Johannesburg: Johannesburg Inner City Partnership, October 2017), accessed July 15, 2019, <https://drive.google.com/le/d/1tUa8PXswc4lkSTzA6uUAt7JH6rhb03o5/view>. См.

Как и следовало ожидать, планетарная география труда сложнее, чем предполагает тезис о «конце работы». Некоторые экономисты говорят о «зablуждении луддитов», настаивая, не без споров, на том, что новые технологии скорее перестраивают существующие условия труда, часто с положительным эффектом, а не просто вытесняют или уничтожают целые профессии¹. В конце концов, многие люди по-прежнему трудятся в производственном секторе и сфере услуг как на Севере, так и на Юге, и не все эти рабочие места нестабильны. Кроме того, постоянные изменения в экологии производства создают новые рабочие места. Низкие показатели официальной безработицы в большинстве евро-американских национальных государств — которые мы вскоре разберем — ясно свидетельствуют об этом, даже если они не отражают реальный характер этих рабочих мест или тот факт, что значительная их часть не обеспечивает достойного уровня дохода. Однако это едва ли объясняет или устраняет социальную и экзистенциальную дезориентацию — жестокий размен жизней, карьер и будущего — вызванную радикальной реорганизацией труда. Достаточно взглянуть на ощутимые последствия повсеместной незащищенности занятости, аутсорсинга и механизации, поляризации рынков труда как внутри стран, так и между ними, ухудшения качества множества наемных рабочих мест.

177

Отсюда и книга Седерstromа и Флеминга «Работа мертвеца», которая пробуждает именно тот страх перед зомбификацией, с которого мы начали. В эпоху, которую Бринолфссон и Макафи называют «второй эрой машин», искусственный интеллект и «умные» машины изменили правила игры (Brynjolfsson, McAfee, 2014). Они начали вторгаться даже в некоторые из самых творческих и интуитивных профессий, от медицинской диагностики до раскрытия преступлений и музыкальной композиции, которые раньше считались исключительно человеческими. Некоторые также указывают на судьбу лошадей, которые когда-то считались вторыми

также Zack T. Johannesburg's Inner City: The Dubai of Southern Africa, but All Below the Radar. *Conversation*, November 5, 2017, accessed July 25, 2019, <https://theconversation.com/proles/dr-tanya-zack-418889/articles>

1 Pettinger T. The Luddite Fallacy. *Economics Help*, January 15, 2017, accessed July 1, 2019, <https://www.economicshelp.org/blog/6717/economics/the-luddite-fallacy/>; McKinsey Global Institute, Jobs Lost, Jobs Gained: What the Future of Work Will Mean for Jobs, Skills, and Wages, December 2017, accessed February 12, 2018, <https://www.mckinsey.com/-/media/mckinsey/featured%20insights/Future%20of%20Organizations/What%20the%20future%20of%20work%20will%20mean%20for%20jobs%20skills%20and%20wages/MGI-Jobs-Lost-Jobs-Gained-Report-December-6-2017.ashx>.

после Homo sapiens по своей незаменимости в различных формах материального производства¹. Видимо, ни один вид не застрахован от стремления, лежащего в основе капитализма: освободить производство от затрат на рабочую силу. Вспомните здесь тех эквисапиенов из кошмара Бутса Райли — постлюдей, созданных, чтобы быть дешевле и эффективнее даже роботов.

Все это подчеркивает тот факт, что мотивы, лежащие в основе неустанных усилий по замене человеческих рабочих суррогатами, нельзя свести только к актуарным расчетам или анализу затрат и выгод. Джон Сибрук пишет о страстном, дорогостоящем, но пока безрезультатном стремлении разработать умную машину для сбора клубники в США, демонстрируя сложные социополитические силы, пересекающиеся в том, что в другом случае могло бы восприниматься как механическая неизбежность². Сибрук объясняет, что срочность в совершенствовании роботизированного сборщика объясняется в первую очередь нехваткой не столько рабочей силы как таковой, сколько нехваткой ее соответствующего типа. По всему миру сельскохозяйственным трудом занимаются мигранты — презираемые, обесцененные, перемещенные, обвиняемые в «краже» рабочих мест у остальных граждан. Они работают зачастую в условиях, близких к рабству, — эта работа настолько унижительна, что граждане, даже безработные, не соглашались ее выполнять. Однако, вопреки популистским представлениям, «развитые» индустриальные государства, движимые иными заботами, в последние годы добились значительных успехов в сдерживании миграции, что еще больше усилило потребность в техническом решении этой, по сути, созданной ими же самими социополитической проблемы. Тем временем, несмотря на огромные капиталовложения, оказывается, чрезвычайно сложно создать «машинные руки», способные воспроизвести скорость, выносливость и проницательность так называемых низкоквалифицированных рабочих. Однако, как отмечает представитель профсоюза, вместо того чтобы решать проблемы низкой заработной платы и жестокого обращения в отрасли, ее лидеры «предпочитают устранить [сборщиков] полностью», пусть и ценой растущих затрат. Он добавляет: «Ментальная механизация труда идет уже десятилетиями», ясно давая понять, что сами рабочие уже давно рассматриваются как роботы, подвергаясь возрастающим

178

1 См.: Thompson M.J. A World without Work...; также см. Brynjolfsson E., McAfee A. Will Humans Go the Way of Horses? *Foreign Affairs*, July/August 2015, accessed February 6, 2019, <https://www.foreignaffairs.com/articles/2015-06-16/will-humans-go-way-horses>.

2 Seabrook J. Machine Hands: Picking Strawberries Takes Speed, Stamina, and Skill. Can a Robot Do It? *New Yorker*, April 15, 2019, pp. 48–57.

требованиям при все меньшем «учете их человеческого состояния» (Ibid., p. 57).

Но это лишь подчеркивает главный вопрос: каким образом на данном историческом этапе проявляется противоречие, при котором идеологическая и нормативная центральность труда сталкивается с осознанием его неминуемого конца, — как это отражается в официальных дискурсах, общественном сознании и повседневной практике? Ответ на этот вопрос состоит из нескольких аспектов, и здесь мы лишь кратко коснемся их.

7.

Первый из них заключается вовсе не в примирении противоречия, а в его эмпирическом стирании под влиянием формальной экономики и риторики государства; в частности, путем сокрытия реальности за счет статистического анализа¹. Скажем иначе: если среди населения значительная доля безработных исчезает из учета, будто их вообще не существует, то оставшаяся доля занятых будет выглядеть пропорционально больше. В таких условиях не существует армии безработных, о которой следовало бы беспокоиться, и конец труда не кажется неминуемым. Напротив, полная занятость выглядит как вполне достижимая цель государственной политики — и тем самым поддерживается миф о труде и заработной плате как краеугольном камне хорошей жизни.

В Соединенных Штатах, например, официальное число безработных держится ниже 4%, создавая иллюзию почти полностью занятого населения. Однако этот показатель учитывает только тех, кто имеет возможность искать работу и фактически этим занимается. Или, по крайней мере, заявляет об этом. Он полностью игнорирует коэффициент занятости среди всего трудоспособного населения, который включает всех, кто достиг трудоспособного возраста. Согласно данным Международной организации труда и Всемирного банка, этот коэффициент в настоящее время составляет 59%, что означает, что около 41% взрослых американцев, чьи социологические характеристики весьма предсказуемы, не имеют оплачиваемой работы. Общемировой показатель, также весьма высокий и составляющий 58,32%, мало чем отличается от американского, а в Европейском союзе он еще

¹ И это несмотря на растущее «недоверие левых и правых» к статистике «в эпоху “постправды”». См. например: Davies W. The End of Statistics? *Guardian*, January 19, 2017, p. 27.

хуже — всего 54%¹. Та же ситуация наблюдается и в Великобритании, где уровень безработицы значительно выше официальных данных; текущий коэффициент занятости населения там составляет 60%. Экономист Дэвид Бланшфлауэр отмечает: «Экономические показатели не учитывают» огромное число людей, которые радикально «недо-заняты или полностью отказались от попыток найти работу». Удивительно, но 55% всех рабочих мест, созданных с 2008 года, предполагают лишь частичную занятость (Blanchflower, 2019)². Так называемые «нестандартные» работники — те, кто трудится в режиме почасовой оплаты, частичной занятости или с нулевыми контрактами, — составляют 39% всей рабочей силы Европейского союза; в Соединенных Штатах доля людей, занятых в сфере «альтернативной работы», также резко возросла между 2005 и 2015 годами, достигнув 94% от всех новых рабочих мест, созданных за этот период (Katz, Krueger, 2019, p. 382)³. При этом стандартные показатели в Европе и Америке учитывают всех этих людей как трудоустроенных. Они включают в себя любого человека, который выполнял оплачиваемую работу хотя бы в течение одного часа в неделю, что значительно завышает статистику занятости. Более того, добавляет Бланшфлауэр, в последние годы заработные платы «падали сильнее, чем было когда-либо зафиксировано в письменной истории», подчеркивая значительный разрыв между наличием работы и возможностью достойного существования⁴. Согласно данным Investopedia, средний работник в Лондоне нуждается в 1,6 рабочих мест, чтобы минимально выживать. В Нью-Йорке это число еще выше; бастующие учителя в Канзасе недавно заявили, что им не-

1 Все приведенные здесь показатели занятости и населения взяты из базы данных Международной организации труда, ILOSTAT. См.: World Bank, “Employment to Population Ratio, 151, Total (%; Modeled ILO Estimate),” September 2019, accessed December 1, 2019, <https://data.worldbank.org/indicator/sl.emp.totl.sp.zs>; обсуждение в этом пункте повторяет освещение в финансовой прессе США в 2018 г. См. также: Sherman E. Sure, Unemployment Went Down—Because More People Left the Workforce. *Forbes*, May 5, 2018, accessed January 21, 2019, <https://www.forbes.com/sites/eriksherman/2018/05/05/sure-unemployment-went-down-because-the-number-of-people-working-did/#1769e551408b>

2 Прочитированные фразы взяты из предпубликационного синопсиса аргументации книги, предоставленного издательством Принстонского университета.

3 Кац и Крюгер характеризуют альтернативную работу как временную и нестабильную.

4 См.: Lilico A., Blanchflower D. Jobs Miracle or Low-Pay Disaster? Andrew Lilico and David Blanchflower Debate. *The Spectator*, December 14, 2015, accessed March 17, 2019, <https://blogs.spectator.co.uk/2015/12/jobs-miracle-or-low-pay-disaster-andrew-lilico-and-david-blanchflower-debate/>

обходимо три работы, чтобы свести концы с концами. Самозанятые, чьи показатели поддерживают миф о «благоприятной ситуации с занятостью», зарабатывают еще меньше, чем те, кто работает по найму (Ibid.). Это еще один пример сокрытия реального положения современного труда, его структурной демографии за оккультной игрой цифр, заставляющих явления появляться по мере их исчезновения. Подобные истории можно рассказать о многих других государствах. В этом смысле реальные показатели из стран Глобального Севера, какими бы они ни были, все больше приближаются к показателям Юга.

Другой тесно связанный с этим способ устранения данного противоречия — дать труду настолько широкое определение, чтобы оно включало любую общественно полезную деятельность, будь она оплачиваемой или неоплачиваемой, формальной или неформальной, законной или незаконной. Именно так поступает Европейская комиссия по вопросам будущего труда и общества, признавая неоплачиваемый труд достойным того же уважения, что и традиционная наемная работа¹. «Традиционные концепции труда, — говорится в отчете, — должны быть переосмыслены таким образом, чтобы охватить гораздо более широкий спектр нестандартной занятости, включая неоплачиваемый вклад в наши общества». Так развивается неформальная экономика — забота и совместное использование, ремесленное производство, культура, незаконное производство — все это стало «новой нормой» на Севере, как уже давно было на Юге². Таким образом, парадокс также концептуально устраняется путем включения более или менее всего в категорию предприятий, производящих ценность, и утверждения таким образом этико-теологической значимости труда как основы человеческого бытия. Для безработных и/или тех, кто был вынужден уйти в неформальный сектор, то, что их беспокоит — это возможность случайного несчастья оказаться не в том месте и не в то время: в Янгстауне, на Флинте или в одном из угольных городков Кентукки, на тихих верфях Глазго или закрытых фабриках в городах Северной Англии. Или в любых других точках на карте, из которых рабочие места были перенесены или заменены машинами.

1 European Commission, European Group on Ethics in Science and New Technologies, Future of Work, Future of Society, Opinion no. 30 (Brussels: Publications Office of the European Union, December 19, 2018), p. 7, 19, accessed January 27, 2019, [https://ec.europa.eu/info/sites/info/les/research_and_innovation/ ege/ ege_future-of-work_opinion_122018.pdf](https://ec.europa.eu/info/sites/info/les/research_and_innovation/ege/ ege_future-of-work_opinion_122018.pdf)

2 Pricewaterhouse Coopers LLP, “The Sharing Economy”, Consumer Intelligence Series, May 2015, accessed March 16, 2019, https://www.pwc.fr/fr/assets/ les/pdf/2015/05/pwc_etude_sharing_economy.pdf

8.

Подводя итог, можно сказать, что хотя это противоречие можно примирить или сделать невидимым, прибегнув к фальсификации эмпирических данных и предвзятой концептуализации, оно не исчезло ни структурно, ни феноменологически. Настоящее — это не столько момент выхода за пределы капитализма, сколько момент борьбы с его постоянным возвращением. Наемный труд остается онтологическим ядром капитализма: существования целых видов в его политической теологии, в его концепции времени и ценности; нестабильном соотношении созидания и разрушения, от которого зависит его расширение и финансиализация — даже, как настаивал Мойше Постон, когда наемный труд кажется анахронизмом, находящимся под угрозой исчезновения, достигшим своего исторического «конца», уступая место все более абстрактным формам накопления богатства без участия людей. Или же, как мы предложили, вместо этого, по мере того как он отступает, меняет свой характер, находит убежище в какой-то другой из множества «экономик», формальной или неформальной, или в темных, ничем не обозначенных пространствах между ними. Отсюда массовая тревога, которая продолжает проявляться в шизоидных представлениях о труде, живом и мертвом, присутствующем и отсутствующем, человеческом и постчеловеческом: в виде зомби, разумных призраках, утративших свою видовую принадлежность; в роботах, которые выглядят, как люди, и в людях, которые действуют, как роботы; в мутантах, межвидовых работниках различных сфер. Отсюда и более приземленные, прагматичные способы решения этой проблемы: такие как постоянные популистские призывы к созданию новых рабочих мест; растущая, хотя и оспариваемая, кампания за получение безусловного базового дохода в качестве права, гарантированного гражданством; и, прежде всего, стремление к политике, которая могла бы представить капитализм после труда. В двух смыслах: капитализма, отражающего и уважающего свой вид ценности — но в то же время выходящий за его пределы, к миру, производящему новые формы жизни и средств к существованию, к труду после капитализма.

182

Список источников / References

Alexander N. (1979) *One Azania, One Nation: The National Question in South Africa*. London: Zed.

Alexievich S. (2017) *Secondhand Time: The Last of the Soviets*, trans. Bela Shayevich. New York: Random House.

- Anderson N. (2012) *Derrida: Ethics under Erasure*. London: Continuum International.
- Ardener S. (1964) The Comparative Study of Rotating Credit Associations. *Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*, 94(2), pp. 201-29. <https://doi.org/10.2307/2844382>
- Baldwin R. (2019) *The Globotics Upheaval: Globalization, Robotics, and the Future of Work*. New York: Oxford University Press.
- Beck U. (1992) *Risk Society: Towards a New Modernity*, trans. Mark Ritter. London: Sage.
- Beck U. (2000) *The Brave New World of Work*. Malden, MA: Polity.
- Beneria L. (1981) Conceptualizing the Labor Force: The Underestimation of Women's Economic Activities. *Journal of Development Studies*, 17(3), pp. 10-28. <https://doi.org/10.1080/00220388108421795>
- Benjamin W. (1978) *Reflections: Essays, Aphorisms, Autobiographical Writings*, trans. Edmund Jephcott, ed. Peter Demetz. New York: Schocken.
- Benkler Y. (2004) Sharing Nicely: On Shareable Goods and the Emergence of Sharing as a Modality of Economic Production. *Yale Law Journal*, 114(2), pp. 273-358. <http://dx.doi.org/10.2307/4135731>
- Biggs J. (2015) *All Day Long: A Portrait of Britain at Work*. London: Serpent's Tail.
- Blanchflower D. G. (2019) *Not Working: Where Have All the Good Jobs Gone?* Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Brenner R. (2006) *The Economics of Global Turbulence: The Advanced Capitalist Economies from Long Boom to Long Downturn, 1945-2005*. New York: Verso.
- Broad D. (2000) The Periodic Casualization of Work: The Informal Economy, Casual Labor, and the Longue Durée, in *Informalization: Process and Structure*, ed. Faruk Tabak and Michaeline A. Crichlow. Baltimore: Johns Hopkins University Press, pp. 23-46.
- Broad D. (2014) Decomposition of Industrial Commodity Chains, Household Semi-proletarianization, and Arenas for Resistance at the Center, in *Gendered Commodity Chains: Seeing Women's Work and Households in Global Perspective*, ed. Wilma A. Dunaway. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Brynjolfsson E., McAfee A. (2014) *The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies*. New York: Norton.
- Caffentzis G. (2001) The End of Work or the Renaissance of Slavery?, in *Revolutionary Writing: Common Sense Essays in Post-Political Politics*, ed. Werner Bonefeld. New York: Autonomedia, pp. 115-33.
- Calvão F. (2016) Unfree Labor. *Annual Review of Anthropology*, 45(1), pp. 451-67. <http://dx.doi.org/10.1146/annurev-anthro-102215-100307>
- Carbonella A., Kasmir S. (2014) Introduction: Toward a Global Anthropology of Labor, in *Blood and Fire: Toward a Global Anthropology of Labor*, ed. Sharryn Kasmir and August Carbonella. New York: Berghahn, pp. 1-29.
- Carver T. (1998) *The Postmodern Marx*. Manchester: Manchester University Press.
- Cass O. (2018) *The Once and Future Worker: A Vision for the Renewal of Work in America*. New York: Encounter Books.

Cedarström C., Fleming P. (2012) *Dead Man Working*. Alresford: Zero.

Comaroff J., Comaroff J. L. (1999) Alien-nation: Zombies, Immigrants and Global Capitalism. *CODESRIA Bulletin*, ¼, pp. 17-28.

Comaroff J., Comaroff J. L. (1999a) Occult Economies and the Violence of Abstraction: Notes from the South African Postcolony. *American Ethnologist*, 26(2), pp. 279-303. <https://doi.org/10.1525/ae.1999.26.2.279>

Comaroff J., Comaroff J. L. (2012) *Theory from the South: Or, How Euro-America Is Evolving toward Africa*. Boulder, CO: Paradigm.

Coulson M., Magaš B., Wainwright H. (1975) The Housewife and Her Labour under Capitalism—A Critique. *New Left Review*, 1/89, pp. 51-71.

Dadush U., Shaw W. (2012) Is the Labor Market Global? *Current History*, 111(741), pp. 9-13. <https://doi.org/10.1525/curh.2012.111.741.9>

Deleuze G. (1990) *The Logic of Sense*, trans. Mark Lester with Charles Stivale, ed. Constantin V. Boundas. New York: Columbia University Press.

Denning M. (2010) Wageless Life. *New Left Review*, 66, November-December 2010.

Derrida J. (1976) *Of Grammatology*, trans. Gayatri Chakravorty Spivak. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

184

Dunaway W. A. (2014) Introduction, in *Gendered Commodity Chains: Seeing Women's Work and Households in Global Perspective*, ed. Wilma A. Dunaway. Stanford, CA: Stanford University Press.

Elyachar J. (2010) Phatic Labor, Infrastructure, and the Question of Empowerment in Cairo. *American Ethnologist*, 37(3), pp. 452-64. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1548-1425.2010.01265.x>

Federici S. (1975) Wages against Housework. *Archives et collections spéciales/Archives and Special Collections*, #1141. London: Power of Women Collective and the Falling Wall Press.

Ferguson J. (2015) *Give a Man a Fish: Reflections on the New Politics of Distribution*. Durham, NC: Duke University Press.

Ford M. (2015) *The Rise of Robots: Technology and the Threat of a Jobless Future*. New York: Basic Books.

Foucault M. (2008) *The Birth of Biopolitics: Lectures at the College de France, 1978-1979*, trans. Graham Burchell, ed. Michel Senellart. New York: Palgrave Macmillan.

Frase P. (2016) *Four Futures: Life after Capitalism*. New York: Verso.

Frayne D. (2015) *The Refusal of Work: Rethinking Post-Work Theory and Practice*. London: Zed.

Frenken K., Schor J. (2017) Putting the Sharing Economy into Perspective. *Environmental Innovation and Societal Transition*, 23, pp. 3-10. <https://doi.org/10.1016/j.eist.2017.01.003>

Fröbel F., Heinrichs J., Kreye O. (1980) *The New International Division of Labour: Structural Unemployment in Industrialised Countries and Industrialisation in Developing Countries*, trans. Pete Burgess. Cambridge: Cambridge University Press.

- Goldwater B. (1960) *The Conscience of a Conservative*. Shepherdsville, KY: Victor Publishing.
- Gordon J. A. (2020) *Statelessness and Contemporary Enslavement*. New York: Routledge.
- Graeber D. (2013) On the Phenomenon of Bullshit Jobs. *Strike! Magazine*, 3.
- Hardt M., Negri A. (2004) *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*. The Penguin Press HC.
- Hart K. (1973) Informal Income Opportunities and Urban Employment in Ghana. *Journal of Modern African Studies*, 11(1), pp. 61–89. <https://doi.org/10.1017/S0022278X00008089>
- Harvey D. (2003) *The New Imperialism*. New York: Oxford University Press.
- Hochschild A. R. (1979) Emotion Work, Feeling Rules, and Social Structure. *American Journal of Sociology*, 85(3), pp. 551–75. <https://doi.org/10.1086/227049>
- Hughes J. (2007) *The End of Work: Theological Critiques of Capitalism*. Oxford: Blackwell.
- James D. (2015) *Money from Nothing: Indebtedness and Aspiration in South Africa*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Jay M. (1993) Review: Marx after Marxism. *New German Critique*, 60, pp. 181–91. <https://doi.org/10.2307/488672>
- Kane E. J. (1992) The Savings and Loan Insurance Mess. *Society*, 29(3), pp. 4–10. <https://doi.org/10.1007/BF02695291>
- Katz L. F., Krueger A. B. (2019) The Rise and Nature of Alternative Work Arrangements in the United States, 1995–2015. *ILR Review*, 72(2), pp. 382–416. <https://doi.org/10.1177/0019793918820008>
- Keynes J.M. (1936) *The General Theory of Employment, Interest and Money*. London: Macmillan.
- Langley P. (2007) Uncertain Subjects of Anglo-American Financialization. *Cultural Critique*, 65(1), pp. 67–91. <http://dx.doi.org/10.1353/cul.2007.0009>
- Luxemburg R. (1951) *The Accumulation of Capital*, trans. Agnes Schwarzschild. London: Routledge & Kegan Paul.
- Martin R. (2002) *Financialization of Daily Life*. Philadelphia: Temple University Press.
- Marx K. (1976) *Capital: A Critique of Political Economy*, trans. Ben Fowkes, Vol. 1. London: Penguin.
- Marx K., Engels F. (2014) *The Communist Manifesto*, ed. Gareth Stedman Jones. London: Penguin Classics.
- McClure P. K. (2018) ‘You’re Fired,’ Says the Robot: The Rise of Automation in the Workplace, Technophobes, and Fears of Unemployment. *Social Science Computer Review*, 32(2). <https://doi.org/10.1177/0894439317698637>
- McGaughey E. (2018) Will Robots Automate Your Job Away? Full Employment, Basic Income, and Economic Democracy. *Working Paper no. 496*, Centre for Business Research, University of Cambridge. https://www.cbr.cam.ac.uk/leadadmin/user_upload/centre-for-business-research/downloads/working-papers/wp496.pdf
- Mills C. W. (1960) Letter to the New Left. *New Left Review*, 5, pp. 18–23.
- Muehlebach A. (2012) *The Moral Neoliberal: Welfare and Citizenship in Italy*. Chicago: University of Chicago Press.

Oppenheimer A. (2019) *The Robots Are Coming! The Future of Jobs in the Age of Automation*, trans. Ezra E. Fitz. New York: Vintage.

Parson J. (1984) The Peasantariat and Politics: Migration, Wage Labor, and Agriculture in Botswana. *Africa Today*, 31(4), pp. 5-25.

Piketty T. (2014) *Capital in the Twenty-First Century*, trans. Arthur Goldhammer. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Postone M. (1980) Anti-Semitism and National Socialism: Notes on the German Reaction to Holocaust. *New German Critique*, 19(1), pp. 97-115. <https://doi.org/10.2307/487974>

Postone M. (1993) *Time, Labor, and Social Domination: A Reinterpretation of Marx's Critical Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.

Postone M. (2017) Critical Theory and the Historical Transformations of Capitalist Modernity, in *The Palgrave Handbook of Critical Theory*, ed. Michael J. Thompson. New York: Palgrave Macmillan.

Postone M. (2017) The Current Crisis and the Anachronism of Value: A Marxian Reading. *Continental Thought and Theory* 1(4), pp. 38-54. <http://dx.doi.org/10.26021/287>

Rath G. (2014) Zombi/e/s, in *Zombies: Zeitschrift für Kulturwissenschaften*, 1, ed. Gudrun Rath. Bielefeld: Transcript, pp. 1-19.

Rifkin J. (1995) *The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era*. New York: G. Putnam's Sons.

Robinson C. J. (1983) *Black Marxism: The Making of the Black Radical Tradition*. London: Zed.

Sadr S. K. (2017) The Optimum Size of Rotating Qard Hasan Savings and Credit Associations. *ISRA International Journal of Islamic Finance*, 9(1), pp. 15-26. <http://dx.doi.org/10.1108/IJIF-07-2017-003>

Sennett R. (1998) *The Corrosion of Character: The Personal Consequences of Work in the New Capitalism*. New York: Norton.

Starosta G. (2016) Revisiting the New International Division of Labour Thesis, in *The New International Division of Labour: Global Transformation and Uneven Development*, ed. Greig Charnock and Guido Starosta. London: Palgrave Macmillan, pp. 79-103.

Tax S. (1953) *Penny Capitalism: A Guatemalan Indian Economy*. Chicago: University of Chicago Press.

Wallerstein I. (1976) Semi-Peripheral Countries and the Contemporary World Crisis. *Theory and Society*, 3(4), pp. 461-83. <https://doi.org/10.1007/BF00161293>

Weeks K. (2011) *The Problem with Work: Feminism, Marxism, Antiwork Politics, and Postwork Imaginaries*. Durham, NC: Duke University Press.

White H. (2020). How is capitalism racial? Fanon, critical theory and the fetish of anti-blackness. *Social Dynamics*, 46(1), pp. 22-35. <http://dx.doi.org/10.1080/02533952.2020.1758871>

Wolpe H. (1972) Capitalism and Cheap Labour-Power in South Africa: From Segregation to Apartheid. *Economy and Society*, 1(4), pp. 425-56. <https://doi.org/10.1080/03085147200000023>

Yanagisako S. (2012) Immaterial and Industrial Labor: On False Binaries in Hardt and Negri's Trilogy. *Focaal*, 64, pp. 16-23. <http://dx.doi.org/10.3167/fcl.2012.640102>

Об авторах / About the authors

Джин Комарофф — PhD, именная профессура Альфреда Норта Уайтхеда, отделение африканистики и афроамериканских исследований, Гарвардский университет, США.

E-mail: jeancomaroff@fas.harvard.edu

Джон Комарофф — PhD, ранее почетная именная профессура Гарольда Х. Свифта, Чикагский университет; именная профессура Хью К. Фостера, отделение африканистики и афроамериканских исследований, Гарвардский университет, США.

E-mail: jcomaroff@fas.harvard.edu

Jean Comaroff — PhD, Alfred North Whitehead Professor of African and African American Studies and of Anthropology, Harvard University, USA.

E-mail: jeancomaroff@fas.harvard.edu

John Comaroff — PhD, Formerly Harold H. Swift Distinguished Professor of Anthropology and Sociology, University of Chicago; Hugh K. Foster Professor of African and African American Studies and Anthropology, and Oppenheimer Research Scholar, Harvard University, USA.

E-mail: jcomaroff@fas.harvard.edu

187

О переводчиках:

Перевод с английского Г. Д. Винокурова.